

А в Питере и сыро, и тепло...

А в Питере и сыро, и тепло.
Растерянные липы босоноги.
На лист двора январское стилó
наносит иероглифы тревоги.
Корявой ветки черный мокрый крюк
сливается с нахохленной вороной.
Футбольный мяч — забытый кем-то друг —
забился точкой в угол стадиона.
Забавно: календарная зима
с еловой хвоей, снегом, пусть из ваты,
не там, а здесь, где толстые тома
с высоких полок смотрят виновато.
Поскольку ни один лохматый том
не знает и не может дать совета,
что делать с этой хмарью за окном,
и ждать ли этим летом снова лета.
Но ель сулит, что будет Рождество.
Есть кофе в банке, есть в запасе слово.
И шепчет вечер: полно, ничего.
И расстилает лист дворовый снова.

На закате

Чем ближе к закату, тем воздух вкусней.
Черемухой пахнут неспешные мысли
о доме, о детях, о поздней весне.
А месяц прозрачный повис коромыслом,
и небо качается тихо на нем,
восток все темнее, сырей, тяжелее,
а запад пылает нездешним огнем
и жжет облака, синеву не жалея.

И тихо. Так тихо! Лишь где-то вдали
шумит электричка, увозит субботу.
И тянет прохладой от влажной земли,
и в бликах закатных оконные соты.
Короче на день остающийся путь,
полнее на радость сума за плечами...
Усталость почувствовать, воздух глотнуть,
закмуриться, яркий закат выключая,
и вновь невесомой себя ощутить,
по дачной поляне вприпрыжку летящей.
И только под веками алая нить
забыть не дает о себе настоящей.

Отпускное

Я на грядках осенних нет-нет да заплачу,
продираясь к корням сквозь крапиву и сныть:
как ты, мама, мечтала о собственной даче,
а на даче моей не успела пожить.
Помню тряпочный дух фитилей керосинки,
кочевавшей за нами по съемным домам,
вкус солянки грибной и лесные тропинки,
на костяшке от ножичка тоненький шрам,
папин велик, прищепку на правой штанине,
чтобы в цепь не попала случайно она,
помню верную «Ласточку», где она ныне?
И саднит, как ободранный локоть, вина,
что иду без тебя по дубовой аллее
(помнишь, в Шалово вы нас возили гулять?);
что вот в этих строках рассказать не умею,
как ходила я вас к остановке встречать,
как, штурмуя автобусы и электрички,
вы из города сумки таскали для нас,
как на речке мы с папой тягали плотвичек,
и плясал на воде поплавок пенопласт...

Скажут мне на работе: «Ого, загорела!
На каких островах этот отпуск прошел?
Что, на даче пахала? И не надоело?»
«Нет, — отвечу. — И знаете, мне хорошо».

Мутовозово

От Великих Лук до Мутовозова —
если по прямой — рукой подать.
Полям, лесом, рощицей березовой...
не дорога — просто благодать!

Села, хуторки, усадьбы барские,
горечь разоренного гнезда —
древние, кондовые, скобарские,
хоженные дедами места.

Где-то там, под свежую порошею,
видит сон про юного отца
в память, как в курган, по пояс вросшая
кузница Егора-кузнеца.

Снится ей, как охая и окая,
бабы голосили, и до слез
Зорька упиралась белобокая,
силой уводимая в колхоз.

Пусто на подворье, кто на Волковском,
кто в блокадном городе сожжен.
Зацветает белыми ясколками
старых, черных стен метельный сон.

Снегом укрываются излучины
судеб, рек, затерянных в глуши.
Памятью прадедовской навьюченный,
дальний поезд к Питеру спешит.

Лимоны

Бывает, что достаточно и взгляда,
чтоб ясно стало — это точно мой...

Какие кружевные снегопады
над городом сплетались той зимой!
За марлевой мережкой занавески
спускались хлопья в старый узкий двор.
Не то чтобы она была с ним резкой,
а просто не вязался разговор.
Тускнела на стене картины рама,
плыл абажур с потертой бахромой.

Он молча, безнадежно и упрямо
с работы провожал ее домой.
За чаем с мамой старенькой сидели,
и слушали, как в парк трамвай идет.

Ему была отпущена неделя,
и вновь на край земли еще на год.

И он решился — взял в театр билеты
(она сказала — нравится балет).
Нарядный зал, программка и либретто.

Антракт. И повалил народ в буфет.
Она смотрела вслед ему украдкой:
не больно-то красив и не высок.
Сосед вернулся к даме с шоколадкой.
А он принес с лимонами кулек.

Там, где зимой полярной стыла кожа
и скулы леденели от пурги,
лимоны были золота дороже,
друзей его спасая от цинги.

Как поняла? Усмешки замечая,
сказала просто: «Вот и хорошо,
у нас лимоны будут нынче к чаю».
И кверху тяжкий занавес пошел.
И Зигфрид шел с Одеттой на поклоны,
а сказке не предвиделось конца...

Катились золотистые лимоны
под ноги наших мамы и отца.

Тетя Зина

*Посвящается
Зинаиде Александровне Курдовой*

Гости негромко беседуют, ветер шевелит гардины,
вечер, без четверти восемь, время подумать о сладком.
Зной по углам затаился, в прическе у тетушки Зины —
пламенных, как махагоны, стриженных тоненьких прядках.

Пахнет лимоном и кедром — духами «Андалусия».
Веер распахнут испанский, взятый на вечер у дочери.
Тетушка — Кармен сегодня, а может быть, просто Мария.
Бусы — поверх разлетайки в розовый мелкий цветочек.

К нам ее привезли — день рожденья у нашего старшего сына. Мы сидим, вспоминается всякая мелочь и глупость, и над ворохом старых открыток, отправленных нам с Сахалина, обсуждаем ее дальнзоркость, мою близорукость. Удивляясь, что я — неплохая как будто хозяйка, вспоминает со смехом, как мама меня баловала. Я киваю, что, да, неумехой была и лентяйкой, и конечно, молчу, что умею по-прежнему мало.

Потом мы говорим про старый прадедушкин хутор,
про то, как ее братик умер, когда их гнали в Германию...

И мне все время кажется почему-то,
что ее голос очень похож на мамин...

Придет серенький волчок...

Волчку икалось — чаще по ночам —
когда в набитых громким плачем детских
заклятья монотонные звучат
рефреном, от которого не деться,
не спрятаться ни в сумрачном лесу,
ни в выглаженном лунным светом поле.
Которым колет каждый острый сук
и каждая травинка, поневоле
цепляясь за седеющую шерсть.
Волчок вздыхал, глотал неспешно воду,
привычно зарекался на ночь есть,
сердился на капризную погоду.
А после выходил в сырую ночь
и шел на звук, на плач, на теплый запах,
пытаясь машинально превозмочь
глухую ломоту в усталых лапах.
И за спиной смыкалась тишина,
дыханьем сонным падая на крыши,
и чья-то позабытая вина
на мягких лапах шла за ним неслышно,
рассеиваясь в утренний туман.
Волчок бурчал под нос, бранил кого-то,
ворчал невнятно что-то про капкан,
придя домой, ложился на диван
и забывал на время про икоту...

Отцы и дети

Ты и кровь моя, и моя плоть.
Так откуда же это в тебе, малыш?
Я — умею пахать и дрова колоть,
ты — творишь.
Ты из щепок леса, что я рублю,
подзаборного сора, овечьих жил
придаешь очертания кораблю,
чтобы жил,
чтобы вдаль унес, покоря высь...

Я не вижу, сынок, твоего лица.
Оглянись, ну, пожалуйста, оглянись
на отца.

Розовое пальто

По улице задумчиво и грустно шагала лошадь в розовом пальто, надев поверх зеленого бурнуса кокетливое в рюшах решето. А ей навстречу свежий летний ветер бросал обрывки содранных афиш, и кошки, те, что знают все на свете, сочувственно смотрели с низких крыш. Какой-то любопытный иностранец на мыльницу снимал ее наряд, мальчишки танцевали глупый танец, выкрикивая что-то невпопад. Брела под эти выкрики кобыла, и жалости, и смеху вопреки. Она сегодня утром наступила на розовые старые очки. И шла туда, где в створе узких улиц под пение ликующих цикад сумеет посмотреть без слез, не жмурясь, на розовый торжественный закат.

Разведчица

*Памяти Смирягиной (Бариновой) Елены Павловны,
1918 года рождения, в годы войны — разведчицы
партизанского отряда Бати в смоленских лесах*

Батя кликал просто Ленкой,
мама Леночкой звала.
Нынче в старой деревеньке
нет для Леночки угла.
Нет и матушки на свете,
да и к лучшему, видать:
перед немцами в ответе
ей за дочку не стоять.
От столба к столбу дорога,
на столбах — ее портрет.
А она вконец продрогла,
а конца дороге нет.
Выдаст кто — поставят к стенке,
и прощай, мои леса.
Ах ты, Баринова Ленка —
партизанские глаза.
Вот она под сосен стоны,
словно беженка, бредет.
А немецкие вагоны
в голове наперечет.
Зиму целую ходила
до Смоленска и назад.
Только нынче — иль в могилу,
иль назад к себе в отряд.
Вот дойдет, и скажут: «Хватит,
ты живая нам нужна».
Лес смоленский, корпус Бати.
Партизанская война.

Снега

Мужу

Снега спускаются с небес новорожденно и невинно.
Плывут сугробные дельфины по белой глади декабря
десантом зимних МЧС. Искрятся выгнутые спины.
И простираются равнинно над миром снежные моря.

Укрыты снегом города, домов уснувшие берлоги,
оград моих надменно-строгих заиндевелое литье,
укрыта прошлая беда, укрыты новые тревоги
и от тебя ко мне дороги, и одиночество мое.

Но где-то в синей вышине звенит валдайский колокольчик,
переливаясь и пророча тепло вдвоем у камелька,
меня обнимешь ты во сне, мы уплывем по волнам ночи.
И просит, просит многоточий моя упрямая строка...

И сквозь снега, и сквозь пургу, наперекор годам и срокам
мы возвращаемся к истокам, и ночь прозрачна и легка,
я все сумею, все смогу, пусть только вновь, пронзая током,
меня хотя бы ненароком твоя касается рука.

Про нежность

Не все ли равно, что за окнами? Слякоть,
осеннее небо на крыши легло.
Еще не февраль, но чернилами плакать
готово умытое снегом стекло.
А мой календарь, задержавшийся в мае,
твердит, что еще отцветать не пора.
И стайка веснушек упрямо не тает
совсем, как снежинки в просвете двора.
Ну что с этой нежностью поздней поделаться?
Упрятать в колючих ветрах ноября?
Не знаю... И день выпадает пробелом
на рукопись осени. Может быть, зря.

